

ДЖИНСЫ ДЛЯ ЗЯТЯ

Одним из напряжённых товарных дефицитов в нашей стране где-то в семидесятые годы прошлого века вдруг стали... джинсы. Да... Вещь исключительно импортная. Но тем не менее мы уже и сами по себе начали внимательно примечать к ним, да ещё из телевизора на всю страну прозвучало: «В них выросла вся Америка!..». Ну, тут все в полную меру оценили джинсы: и молодёжь, и кто постарше, и даже женщины. В самом деле: и удобно, и сверхмодно – всё в одном флаконе!

И здесь надо поставить большое «но». Дело в том, что даже просто увидеть на ком-то эти джинсы в то время удавалось не каждый день, а приобрести их – достать! – удавалось очень немногим даже в Москве, не говоря уж о провинции.

И вот в порядке реализации старой истины – голь на выдумку хитра – в гуще народных масс явились умельцы на изготовление... ну не то чтобы джинсов, а так – варёнок. Помните? Что-то такое грязно-сине-белое, но с молниями спереди и с якобы лейблами на заднем фасаде. Но это было всё-таки не то... Ну что вы...

А в нашей семье главным претендентом на джинсы был мой зять Владимир Петрович. Он был уже преподаватель вуза, отец моих дорогих внуков. Не то чтобы он сам высказывал желание обрядиться в джинсы. Нет, это мне очень хотелось, чтобы они у него были. А варёнки ему были просто противопоказаны.

Мне в скором времени предстояла научная командировка в Москву – в несколько её библиотек. А программы таких командировок всегда осложнялись у нас покупками того, в основном детского, чего в Томске было не достать. Но на этот раз я решила обязательно купить зятю джинсы и скопила для этого энную сумму.

И вот я в Москве. И, думаете, этими джинсами торговали на каждом углу? Нет и нет. Мои московские знакомые и случайные люди на вопрос, где тут «дают» джинсы, только пожимали плечами.

Но в конце концов я выяснила, что где-то на краю города, в новом микрорайоне, есть некий магазин «Спорттовары», и там иногда «выбрасывают» джинсы. Конкретно – в среду и четверг, специально в середине рабочей недели, чтобы не все жаждущие джинсов могли добраться и штурмом взять эти «Спорттовары». Но штурмы всё-таки бывали.

А я в Москве была полной хозяйкой своего рабочего времени, сама решала, когда мне сидеть в библиотеке, а когда вот взять и поехать на поиски джинсов. Так что в одну из сред я с тремя пересадками на разных видах транспорта, часам к трём дня добралась до этих «Спорттоваров». И обнаружила, что очередь к их входным дверям, даже и в три ряда, тянется, без преувеличения, метров на двести...

Если бы добираться сюда было легче, я бы развернулась и поехала в библиотеку. Но – три пересадки... Жаль было потраченных на это времени и сил. Да и купить джинсы очень хотелось...

Я взяла себя в руки, вникла в ситуацию. Оказалось, что эта очередь на две трети состоит из тех, кто записался на неё с вечера вчерашнего дня, а на одну треть из тех, кто надеется добраться до возжеленного джинсового прилавка только завтра. И в руках у первого человека из этой завтрашней очереди тетрабочка, и в неё можно записаться. На завтрашний день. В конце сегодняшнего рабочего дня будет первая переключка завтрашних очередников, а вторая – в шесть утра следующего дня.

Для меня такая программа была абсолютно неподъёмна. Я никак не могла на завтра оказаться у «Спорттоваров» в шесть утра. В шесть только начинал работать весь транспорт...

Но я зачем-то, ну просто так, записалась в завтрашнюю очередь, получила трёхзначный номер и простояла до (сегодняшнего) закрытия магазина. Проследила, как непросто складывалась ситуация на завтра. Дело в том, что не все сегодняшние очередники успели попасть в магазин до закрытия и, естественно, претендовали на первые номера завтрашней очереди...

Не помню уж, как разрешился этот реальный конфликт. Но за три часа стояния в завтрашней очереди я осмотрелась, познакомилась кое с кем из товарищей по... По чему? Несчастьем? Делом? Ну, в общем, познакомилась. И, в частности, с некой Тамарой, женщиной не очень внятного возраста и социального статуса, но видно, что очень деловой. Выяснилось, что эта Тамара все свои рабочие дни и даже ночи проводит здесь, у этих «Спорттоваров»: она покупает, а потом перепродаёт эти джинсы. По вдвое, а то и втрое завышенной против магазинной цене. То есть она спекулянтка. Это был широко распространённый, хотя, разумеется, незаконный способ существования многих в те времена.

Нет, Тамара не предложила мне купить у неё джинсы по втрое завышенной цене. Она, с моего невнятного согласия, включила меня в собственную бизнес-программу...

В соответствии с этой программой мы сходили с ней в ближнее кафе, поужинали и запаслись бутербродами и бутылками с лимонадом на утро. Затем забежали на полсеанса в ближайший кинотеатр. А в одиннадцатом часу, уже потемну, подошли к подъезду какого-то дома. Подъезды в те годы ещё не запирались. Мы поднялись на площадку непосредственно перед верхним этажом и стали устраиваться на ночлег – на подоконнике. Как? А вот как. Мы сели на подоконник спина к спине, а ногами упёрлись в стенки оконного проёма. «Ты давай теснее, теснее ко мне – для упора», – инструктировала меня Тамара.

Она уснула быстро и по-настоящему – в отличие от меня. Быстро затекли ноги, беспокоила мысль, уж не обокрасть ли меня таким сложным способом собирается эта деловая Тамара... Однако часа два с перерывами поспала и я...

В пять утра Тамара разбудила меня. Мы позавтракали, попудрились, и в полшестого были уже у «Спорттоваров». Вся очередь была уже в сборе, человек с тетрабочкой был тут же. Поглядывая на часы, он ровно в шесть начал переключку.

Мне снова достался трёхзначный номер, но первая цифра была уже не три, а один.

В течение дня мы с Тамарой сходили в то же кафе пообедать, поручив стоявшим непосредственно за нами стеречь нашу очередь. Потом отпустили их. Остальное время дня тянулось мучительно... А за полтора часа до закрытия магазина, когда у нас оставался реальный шанс попасть внутрь (впускали по десять человек), с выходящими из магазина отоварившимися счастливыми выплыла информация, что остались только очень большие размеры – на три больше, чем нужно было мне. То есть зятю...

Тамара на это не отреагировала, ей было всё равно, что перепродавать. А я задумалась, что делать дальше. Тамара предлагала мне повторить всю процедуру, с ночёвкой в подъезде. Но я уже еле держалась на ногах...

И вот пока я мучительно раздумывала, стоящие непосредственно за мной женщины, мать и взрослая, лет двадцати, дочь, сделали мне неожиданное предложение. Оказывается, они, как и Тамара, покупают и перепродают джинсы. И предложили мне купить эти огромные джинсы с тем, что они поменяют их на нужный мне размер. Для этого нужно пойти к ним домой – они тут недалеко живут...

Пока я всё это осмысливала, Тамара незаметно мигнула мне: соглашайся. Москвичи – они всё понимают сразу...

Я поверила им всем – и согласилась. Вот наконец мы вошли в эти «Спортовары», купили эти огромные джинсы (давали по одной паре в руки) и пошли к Луизе Николаевне и Оксане домой.

Ну, московское «недалеко» оказалось на деле очень даже не близко, но в конце концов мы дошли до их дома. Я представляла себе всё так, что прямо на пороге их квартиры и состоится обмен джинсами, и они подскажут мне, как добраться до ближайшего метро. По дороге даже размышляла, не оплатить ли мне их услугу. Всё-таки огромные джинсы продать труднее... Не скрою, мелькала у меня и такая мысль: не афера ли все это?..

Но всё пошло по совсем другому сценарию. Мы пришли к ним, мне предложили пройти, и зачем-то снять плащ, и даже поужинать с ними... Дома их ждал с ужином глава семьи, Николай Семёнович. «Коля, прими у Галины Ивановны плащ...»

Я растерялась, снова слегка запаниковала. Но всё было сказано так, что обнаружить свои подозрения было стыдно. После ужина было обещано проводить меня до нужного автобуса, идущего непосредственно до метро.

За ужином натужный вялый разговор сперва вертелся всё вокруг тех же джинсов, потом потихоньку перешёл на широкую тему «Москва и Сибирь»... Я себя чувствовала не только в переносном, но и в самом прямом смысле не в своей тарелке. С чего бы это на самом деле кормить меня ужином?.. И где это я вообще и что тут забыла?..

Когда дело дошло до чая с печеньем, разговор за столом увял. Но зато в воздухе начало нарастать какое-то напряжение. Постепенно я осмыслила две его составляющие. Во-первых, от меня чего-то ждут: то ли каких-то слов, то ли даже действий. И во-вторых, стало ясно, что что-то в этом доме не так. И имен-

но со знаком минус, плохо. Минуты тянулись медленно, и я начала, как сегодня сказали бы, *реально* тревожиться. Уж не убить ли меня хотят, чтобы завладеть этими злополучными (чёртовыми!) джинсами?.. Так завладеть ими можно было уже давно и просто – и без этого ужина, и без этих не знаю о чём разговоров! Выхватили бы у меня их из рук ещё в подъезде или на пороге квартиры и захлопнули бы передо мной дверь. И всё... Или дело заключалось в чём-то другом? Люди-то они вроде бы приличные...

Стараясь не выдавать нарастающей паники и в поисках за что бы ещё ухватиться, чтобы оживить заглохший разговор, я окинула взглядом комнату, зацепилась за стоящие на серванте фотографии в рамках. И на одной, большой, была хорошенькая девочка лет пяти, в новогоднем костюме. Снежинка или Снегурочка. На Оксану не похожа. И я спросила, кто эта девочка...

Господи! Оказалось, что только этого вопроса от меня и ждали хозяева этого невесёлого дома!..

Сперва на несколько секунд все замолчали. Потом Луиза Николаевна заплакала, Николай Степанович ушёл на кухню. На мой вопрос ответила Оксана.

Оказалось, что эта девочка в костюме снежинки – её младшая сестра Леночка. Три года назад её вела из детского сада бабушка, мать Луизы Николаевны, и их обеих, бабушку и внучку, сбила, а точнее, размазала по асфальту мчавшаяся на космической скорости машина. И не какая-нибудь, а кремлёвская. В конце рабочего дня члены правительства (или кто там ещё?) возвращались с работы, из Кремля, в свои загородные резиденции, очень спешили, а закон об ограничении скорости в жилых кварталах на них не распространялся. Всё это происходило, оказывается, на печально (мрачно) известном в этом плане Рублёвском шоссе...

Дело об этом (рядовом) ДТП очень быстро, уже часа через полтора по его происшествию, перешло из юрисдикции простой милиции и простой скорой помощи на более высокий уровень. И заглохло. Не было ни следствия, ни суда. Пострадавшей семье помогли с похоронами погибших – и денежно, и с выбором места на ближайшем кладбище. И всё...

После этого откровения отпал вопрос о том, чтобы меня провожать до автобуса. Меня оставили ночевать. На диване в гостиной. Я стала непосторонним человеком. Меня посвятили...

Перед сном Луиза Николаевна извлекла откуда-то бутылочку чего-то. Выпили. Молчали. Луиза Николаевна плакала. Николай Семёнович курил в дверях в кухню. Оксана устало молчала... Я тоже...

На другой день я, к своему стыду, проснулась поздно, часов в двенадцать. Сказались переживания и прошлой ночи в чужом подъезде, и вчерашнего дня. И особенно – его вечера. Хозяева уже разошлись по своим делам. В кухне меня ожидал бутерброд под блюдцем, манная каша и записка: «Простите нас, Галина Ивановна, и спасибо Вам за всё. Ключ оставьте у соседки в квартире напротив, она и проводит Вас до автобуса»...

Я тоже оставила для них записку: «Спасибо за джинсы, за ужин, за доверие. Я буду помнить вас всю жизнь».

Как видите, помню...

НЕСКУЧНЫЙ САД

Эта то ли скучная, то ли не очень – кому как покажется – история началась в семьдесят котором-то году в Москве, на одном из заседаний Московского методологического кружка, о котором речь уже шла и ещё пойдёт в этих этюдах. Собственно, этот кружок причастен к данной истории по двум второстепенным по значимости причинам. Во-первых, я всегда старалась посетить его заседания, если они счастливо (для меня) совпадали с моими краткими пребываниями в Москве; а во-вторых, этот кружок (огромный круг) зародился и существовал на общественных началах и никогда не имел ни официального статуса, ни постоянного места для заседаний. Собственно, это был один из серьёзных очагов тогдашнего научного андеграунда, если кто знает, что это такое, но это обстоятельство к данной истории уж точно прямого отношения не имеет. Стоит только упомянуть, что кружок этот объединял (и очень прочно) волонтёров от самых разных наук и даже городов нашей страны. Вот и меня зацепило...

В тот год, когда произошла рассказываемая здесь история, заседания Московского методологического кружка проходили в здании Президиума Академии наук, располагавшегося в то время (а может быть, располагающегося и сегодня) в белокаменном здании, почти дворце, на территории Нескучного сада. А Нескучный сад – это одно из, так сказать, знаковых, памятных мест Москвы. Вообще-то, полтора-два столетия назад это была окраина Москвы, даже загород, и здесь размещалась помещичья усадьба: белокаменный, с кое-какими колоннами и парадным крыльцом дом в окружении большого сада. Этим замечательным антуражем в своё время воспользовался Иван Сергеевич Тургенев для размещения событий самого своего романтического произведения – повести «Первая любовь», так что всё это дворянское гнездо вместе с белокаменным домом и садом запечатлелось на киноплёнке в ходе экранизации этой повести уже в наше время.

Но ко времени действия этого рассказа дворец поубавил и белизны, и романтичности, и по его коридорам и залам ходили люди весьма прозаического типа: простые советские академики. Ну и – время от времени – методологи...

И как бы в соответствии с новым, пониженным в плане романтичности, статусом и назначением этого места я пережила здесь отнюдь не самую романтическую свою историю – однако же, как это ни странно, с некоторой перспективой выйти замуж – и даже за москвича.

И дело было так. В начале одного из заседаний методологического кружка, проходившего именно здесь, в помещении Президиума Академии наук в Нескучном саду, рядом со мной как-то адресно и целенаправленно сел незнакомый мне человек. По виду москвич, где-то моего возраста – лет под тридцать с хвостиком, даже, собственно, с хвостом. Не представившись, а так как-то с ходу он начал информировать меня, кто есть кто в зале и в президиуме заседания, где работает, чем конкретным научным занимается. Комментировал выступления докладчиков и их оппонентов.

Мне было не по себе, тем более что комментарии моего неожиданного со-

седа были, мягко говоря, не всегда положительными. Вспомнилась частая при- сказка моей студенческой подружки Галки Манаенко: «Чё к чему?».

По окончании семинара дело приняло ещё более крутой оборот. Мой до- бровольный комментатор наконец представился: «Михаил», – и предложил «побродить» с ним по этому Нескучному саду. Назвал он и свою фамилию, в ней-то и заключалась вся соль и интрига того, что происходило далее. После долгих сегодняшних раздумий я решила, что не пропишу полностью его очень громкую в России фамилию, оставлю от неё одну первую букву: Т. Убедена что далеко не всем носящим её сегодня понравится то, о чём я собралась на- писать. Моя тогдашняя реакция на эту фамилию облеклась в форму ещё одной Галкиной присказки: «Ну вообще...».

Хотя – в чём дело? Если уже на то пошло, то за несколько лет до этого я по- бывала замужем – правда, недолго – за человеком по фамилии Бахтин. А это, кто не в курсе дела, тоже не самая проходная у нас фамилия. На самых закон- ных основаниях она стоит в таком замечательном ряду: Лихачёв, Лосев, Лот- ман... На весь мир известные наши философы от культуры, властители наших тогдашних филологических дум. Так что...

Со временем из разных источников я узнала, что в Москве и за её предела- ми проживало и проживает множество людей и целых родственных кланов, носящих фамилию Т., прославленную талантом и трудами нескольких русских писателей, и ничего сверхъестественного в этом нет. Но в моей отдельно взя- той, тем более сибирской, жизни «живой» Т. появился впервые и без всяких на то видимых причин и поводов.

Хорошо помню своё тогдашнее двойственное настроение: во-первых, огромное смущение от того, что происходит какое-то большое недоразумение (ну что я – Михаилу Т. и Михаил – мне?), а во-вторых, тоскливое осознание того, что я в этот вечер, скорее всего, не успею до закрытия в продуктовый магазинчик возле того дома, где я в то лето квартировала у тёти Раи, и, таким образом, останусь без ужина сегодня и без завтрака наутро.

Несколько смягчало огромную неловкость ситуации, как она виделась мне тогда, только то, что Миша был подчёркнуто деликатен и предупредителен при выходе из тройных дверей Президиума и при спуске с его сложного крыльца, а главное – взял на себя инициативу в разговоре. Собственно, разговора как такового, как действия обоюдного, не было: говорил один Михаил – много и в основном о проблемах избранной им науки – физики. Помню, меня подмыва- ло спросить, уж не физтех ли МГУ он окончил. А что? Скорее всего. А из его заикленности на физике мне стало ясно, что, во-первых, он не знает, на какой науке заиклена я, а во-вторых, это ему абсолютно безразлично. И всё острее передо мной вставал вопрос: что всё это значит?

Однако же я, что называется, не развернулась сразу и не ушла. До первой летней темноты и прохлады Михаил водил меня по довольно замусоренным аллеям Нескучного сада, говорил и говорил – и всё это время во мне, как ще- котливые пчёлки, жужжали Галкины «Что к чему?» и «Ну вообще...». А при выходе за чугунные ворота этого Нескучного (показавшегося мне в тот раз очень даже скучным) сада оказалось, что мы вдобавок ко всему ещё и наруши-

ли режим доступа в него: прогуляли целый лишний час и заслужили строгое порицание.

На прощанье у входа в моё метро Михаил вырвал из записной книжки листок, написал номер своего телефона, велел (!) позвонить ему завтра, чтобы, «с учётом его завтрашней деловой ситуации», договориться о нашей следующей встрече. Он сам позвонить мне не мог по той причине, что у тётки Раи телефона не было, а до сотовых телефонов человечество – и я в его гуще – ещё не дожило. Звонить Михаилу, если бы я вознамерилась звонить, мне предстояло из любого телефона-автомата: на улице, в метро, в вестибюле Ленинской библиотеки, где я всегда, и в тот раз, занималась.

Но я не вознамерилась позвонить ему ни назавтра, ни напослезавтра. К тому, что было просто ни к чему и не к чему, добавлялась обида (даже оскорблённость) по поводу того, что в тот момент, у метро, просто как данность имелось в виду, что у меня никакой «деловой ситуации» нет, а если и есть, то в расчёт она не принималась.

Однако на следующем заседании методологического кружка Михаил, теперь уже как бы на правах старого знакомого Миши, сел рядом со мной, а по окончании заседания продолжил посвящать меня в проблемы физики и её научных окрестностей. Разнообразие других своих интересов, если оно и было, он от меня почему-то скрывал. Правда, на этот раз (и ещё в последующие три раза) наша встреча (уже свидание?) протекала в совсем другом месте, далеко за пределами Нескучного сада: в большом и расчудесном кафе при гостинице «Москва» – с видом (через огромные, до полу, окна) сразу и на Манежную площадь, в самой глубине которой просматривается по-царски парадное крыльцо библиотеки им. Ленина, и отчего-то всегда грустный Александровский садик слева под боковой кремлёвской стеной. Ну а от двух печальной памяти корпусов МГУ, маячивших справа по борту, легко было абстрагироваться одним поворотом головы.

А само по себе это кафе было одновременно и роскошным, и доступным, и в нём в добавление к какой пожелаете маленькой порции холодного мяса и к чашечке редкого в те времена настоящего (бразильского!) кофе можно было купить (и бывали куплены) элегантные сорок граммов хорошего коньяка...

Всё это очень способствовало установлению совершенно другого тона наших с Мишей отношений. Но они всё-таки не были свиданиями в полном смысле этого слова, эти четыре встречи, хотя – после нашего затянувшегося на целый вечер – уже на скамейке Александровского садика – сепаратного, на двоих, участия в тогдашней дискуссии союзного масштаба на тему, что важнее, физика или лирика (под которой понималось всё огромное гуманитарное море), – наши разговоры переключились на нас самих. Я конспективно, без эмоциональных красок, рассказала о своём сверхкратком замужестве и наличии у меня дочери. Миша, как он выразился, целых три семестра был женат на сокурснице, немосквичке, приезжей, которая, как только получила московскую прописку, подала на развод. Это был – да и остаётся – путь многих провинциалов... Даже видных впоследствии учёных, артистов, юристов...

А в заключение четвёртой встречи Миша вдруг пригласил меня назавтра, в

воскресенье, к нему домой, где по поводу дня рождения какой-то его родственницы соберётся вся его родня.

Было притупившийся за последнее время вопрос «чё к чему?» вновь обрёл для меня остроту. Ну зачем, спрашивается, мне было идти на этот чужой день рождения? Тем более, что на дни рождения, как известно, без подарков не ходят, а я в командировках после того, как в первые же дни куплю всё запланированное для мамы и дочери – ну, кое-что и для себя – всё остальное время жила на тогдашние даже не рубли, а копейки...

Но Миша был настойчив, а главное, в его глазах и голосе неожиданно появилось что-то такое, что я поняла: он просит у меня помощи, поддержки в какой-то сложной его ситуации. И я, что называется, скрепя сердце (и даже скрипя сердцем, как написал один наш незадачливый абитуриент во вступительном сочинении) согласилась.

Утром следующего дня, за два часа до нашей с Мишей встречи в условном месте, у метро «Арбатская», я купила в «Канцтоварах» на Арбате в подарок неизвестно кому капитальную и красивую записную книжку с шёлковой закладкой. И в ожидании перехода к месту нашей встречи вдруг в витрине какого-то углового магазина увидела – живого – огромного, дымчато-серого и – сразу было видно – очень умного кота. Он, не отводя глаз, целую минуту смотрел на меня как бы с пониманием – чего?

И вот он, семейный обед в доме Т. Довольно многолюдно, успокоительно – для меня – шумно: восклицания, приветствия. Меня как бы между делом с кем-то познакомили, что-то говорили – но, слава богу, ни о чём не спрашивали. За столом поместили между Мишей и его матерью, оказавшейся для меня полной неожиданностью. Миша был (о чём я только теперь подумала) убедительно красивый сероглазый шатен, весьма, так сказать, корпулентный. А Нина Давидовна была худенькая, восточного типа женщина, похожая на лермонтовскую Бэлу, как она изображена на иллюстрациях Врубеля к роману Лермонтова «Герой нашего времени». Она здесь чужая, поняла я, так же, как и я...

Абсолютно своей и на своём месте была здесь только некая Анна Леонидовна, руководившая застольем многословно и громогласно. И тем не менее чувствовалось, что неуютно и даже надсадно было не только мне. Вспомнилось из какого-то романа, чуть ли не одного из Т.: «Гости приветствовали никому не нужную и никому не интересную тётушку»...

Однако, слава богу, всё на свете имеет конец – подошёл к концу и этот тягостный обед. Но за минуту до того, как можно было встать, поблагодарить и, так сказать, откланяться, ко мне – неожиданно – обратилась Анна Леонидовна: «Гая, прошу Вас задержаться...». Вспомнилось: «А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться», – таким категорическим тоном мне было предложено – по сути приказано – «задержаться».

Разговор состоялся тут же, за неубранным столом. Собственно, это был монолог Анны Леонидовны, в течение которого присутствовавший при этом Миша сидел как в воду опущенный, не поднимая глаз.

Вот вкратце монолог Анны Леонидовны: «Итак, жить вы с Мишей будете в новой, но хорошей квартире Севастьяновых, почти в центре. Комнаты в ней

расположены анфиладно, дальняя будет ваша, а в первой останется жить Шурик. Он всегда здесь жил, это квартира его родителей. Сами они давно умерли, а от наёмных и этих социалок (работников социальной службы, то есть) толку мало, всё равно приходится ездить туда через день да каждый день. Шурик не опасный, он приучен ухаживать за собой, мыть полы и посуду, ходить в магазин за простыми продуктами – хлебом и молоком. В магазине его давно знают...».

Сквозь этот невероятный ужас, во-первых, прояснилось, что «Шурику» срок семь лет, а во-вторых, проскользнула вовсе уже ужасная проговорка Анны Леонидовны: у них, у Т. (а Севастьяновы – близкая родня Т.), «умственная слабость» детей проявляется редко. Вот Миша избежал этого... Печальной участи Шурика, имелось в виду...

Уже в самом начале этого монолога Анны Леонидовны я поняла, что меня самым недвусмысленным образом сватают за Мишу... а заодно и за бедного Шурика – в качестве бесплатного приложения... И даже как бы уже просватали и теперь оговаривают в деталях все обстоятельства моего ближайшего и даже отдалённого будущего.

Поняла я также и то, что моя анкета во внутренних расчётах Анны Леонидовны уже давно заполнена – и по её (анкеты) данным я прошла у неё (Анны Леонидовны) по конкурсу на роль Мишиной жены и Шуриковой опекунши... Невысокий же, однако, проходной балл у этого конкурса, подумалось мне: я сибирячка (а в глазах коренных москвичей – слава богу, не всех – это ничем не восполнимый недостаток), кроме того, я женщина отнюдь не самой первой молодости и с ребёнком на руках, набрала его, этот проходной балл, за пять встреч с Мишей, а для Анны Леонидовны даже заочно.

И вот ещё что я поняла по тому, как быстро, заученно звучала речь Анны Леонидовны: все эти перспективы выйти замуж за Мишу и поселиться «почти в центре» Москвы ценой сожителства с неопасным Шуриком предлагалась мне как далеко не первой и даже не третьей кандидатке на эту роль. И – безрезультатно.

И ещё вот что мне стало ясно: Мишино скоропалительное знакомство со мной, все эти наши прекрасные посиделки в кафе под стеной Кремля имели одну цель: отчитаться перед Анной Леонидовной в том, что он активно работает над решением их сложной семейной проблемы... Какой ужас! Нет, не мой, а их ужас...

И последнее, что проступило отчётливо: Миша не имеет права устраивать свою судьбу по своему желанию и выбору, но неотменимой силой семейных уз Т. превращён – наряду с этой злополучной квартирой – просто в средство жизнеустройства Шурика и успокоения совести всех остальных Т.

Боясь взглянуть на Мишу, сидевшего всё это время здесь же с убитым видом, я наконец поднялась, каким-то чужим, тяжёлым языком поблагодарила Анну Леонидовну (за что? за оказанное мне доверие?) и обещала подумать.

И тут дотоле самоуверенная Анна Леонидовна как-то вдруг сникла: опустились плечи, вдруг проступили морщины на лице, пальцы правой руки начали крутить кольцо на левой... Неужели она рассчитывала на моё немедленное со-

гласие на всё предложенное? Наверное: ведь, по её понятиям, на руках у неё был козырный туз, даже два козырных туза: квартира в Москве и Миша, как он есть...

Только осознание бедственного положения Миши во всём этом раскладе семейных дел Т. удержало меня от немедленного бегства прочь от всего этого... Куда угодно – на Щёлковку, в Тьмутаракань, ко всем чертям... Лишь бы отсюда – от этого стола, от разочарования Анны Леонидовны, от необходимости объясняться с Мишей...

Я всё-таки смогла выдержать и соблюсти обряд благодарения за доверие, прощания, невнятного общения... чего?..

Мы с Мишей в тот раз ещё долго сидели в каком-то близком к их дому кафе, производили разбор полётов. «Не очень долго думал, прежде чем остановить выбор на мне – там, в Нескучном саду», – сказала я. «Но только вначале», – сказал он. «Не надо», – сказала я. «Ты очень понравилась маме», – сказал он. «Не надо», – повторила я.

Мы не поссорились в полном смысле этого слова. В оставшиеся до моего отъезда дни ещё дважды побывали в кафе на Манежной площади. Но...

Впрочем, впоследствии года два мы с Мишей изредка переписывались – по его инициативе, я только отвечала на его письма. Но в этих письмах наши отношения уплотнились информативно и приобрели сложную, неоднозначную окраску: грустной дружеской нежности, глубокого сочувствия друг другу в житейских неудачах... Потом в одном из последних писем Миша сообщил, что женился на некой Алле, москвичке, у неё своя квартира... Таким образом, подумала я, он вырвался из жёстких планов семьи сковать его одной цепью с бедным... всё-таки бедным Шуриком...

Так закончилась и ушла в прошлое эта всё-таки скучная (или только грустная?) история, начавшаяся в Нескучном саду. Впрочем, тургеневская история тоже очень грустная... Иногда я, вспоминая по тому или иному поводу Мишу Т. и всё связанное с ним, думаю: а может быть, счастье – наше с Мишей – было так близко и так возможно?.. Да нет, вряд ли...

СТРОМЫНКА

В одну из моих московских командировок меня определили на проживание в старое, ещё дореволюционное, общежитие Московского университета на Стромынке, затерявшееся где-то в джунглях старого центра Москвы. Сейчас уже не вспомню ни адреса его, ни способа добираться до него.

Конкретно – поселили меня в большую (ну очень большую, на десять человек) комнату 2-7, то есть номер 7 на втором этаже. К моменту моего появления там уже проживало девять человек, а одно место как бы дожидалось меня. Я вселялась последней, в конце второго семестра, все жилички этой комнаты уже давно определились в плане, где стоят их кровати и тумбочки, и мне досталось последнее свободное и якобы неудобное место: в узком закутке между

стенной и оставшейся ещё с дореволюционных времён (и уже давно не функционирующей) печкой-голландкой. В это пространство едва втиснулась койка (теперь моя), под которой расположился мой, слава богу, небольшой чемодан, а над которой были вбиты пять капитальных гвоздей в функции гардероба для одежды. Портфель и актуальные на каждый день папки с бумагами (конспекты библиотечных статей и книг) перемещались в зависимости от времени суток с подкроватного чемодана на поверхность кровати.

Жить было можно. Я с первого мгновения оценила несколько несомненных достоинств моего нового местожительства. Самое главное – я по сути дела оказалась как бы в отдельной комнатке, хотя и очень маленькой. Да и приходила-то я сюда только часам к девяти вечера – из библиотек, реже из театров.

Тем не менее скоро я вынужденно вникла в сложную социокультурную обстановку комнаты 2-7. Здесь проживали пять украинок из Харькова и четыре монголки из Улан-Батора.

Дело в том, что в те давние времена (где-то в середине, как известно, застойных 70-х годов) в нашей стране был повышенно актуален тезис (лозунг!) о дружбе всех народов. Даже русский с китайцем объявлялись (в популярной песне) братьями навек, что уж было говорить о (хоть и незалежной) Украине и сильно советизированной Монголии!

В жёсткой реальности однако в комнате 2-7 были насильно сдвинуты и обречены на тесное сожительство два очень разных культурных мира – по сути дела, две цивилизации. А ведь было уже произнесено во всеуслышание устами героя фильма «Белое солнце пустыни», что Восток – дело тонкое, и самим Редьярдом Кипплингом, что Восток и Запад не сойдутся никогда...

Различие между дочерьми этих двух культурно-исторических ареалов проходило по нескольким существенным параметрам. Прежде всего, украинки материально – да и вообще – были бедными, жили только на свои отнюдь не повышенные стипендии. Монголки же, все четверо, были дочерьми более или менее высоко поставленных над их народом отцов. Монгольская элита...

Это различие обусловило ещё два. Украинки питались, что называется, дома, то есть ежедневными борщами – с кислой, правда, московского квашения, капустой и присылаемым время от времени с оказией с «Украины милой» свиным салом. Варились эти борщи на общей на весь этаж кухне, но поедались-то здесь, в 2-7, за единственным на всех столом. Так что роскошные – гоголевские! – борщевые ароматы не выветривались в комнате никогда, ни днём, ни ночью.

Ну, для меня это было не только терпимо, но даже и завидно. Но дочерям Востока это было непереносимо: монголы свиней не разводят и не едят ни при каких обстоятельствах. Вообще монголки принципиально питались вне общезжития, в разного рода кафе, а то так и ресторанах.

Во-вторых, украинки одевались кто во что горазд, с не оправдывавшими себя потугами угнаться за московской модой, но в общем – плохо. Одновременно и бедно, и безвкусно. Монголки же, все четверо, были одеты богато и в соответствии с канонами тогдашней европейской моды. Поэтому они очень походили скорее на итальянок и испанок. Вот только глаза...

В-третьих, во внеаудиторное время (да и значительную часть аудиторного) украинки проводили в этой самой 2-7: переписывали друг у друга конспекты проспанных лекций, списывали друг у друга домашние задания, пересказывали друг другу – своими словами – содержание шедевров мировой литературы из обязательных для прочтения списков. И всё это в основном лёжа в постелях.

Монголки же, напротив, изыскивали все московские возможности отсутствовать в общежитии до того момента, когда уже нужно ложиться спать.

В-четвёртых, представительницы обоих насильственно стиснутых культурных миров только в крайних случаях пользовались русским языком, на котором монголки говорили гораздо лучше украинок, даже пытались копировать несколько почти воронье московское аканье, и уж конечно без «г» фрикативного. В основном же дочери этих разных народов говорили на своих родных языках. При этом монголки в этом плане находились в лучшем положении: они почти абсолютно понимали певучую украинскую мову, украинки же, естественно, не понимали по-монгольски ни слова.

В общем, до вожделенной дружбы народов в 2-7 дело не доходило ни в каком отношении. Но и ссор, тем более скандалов, не было никогда и в принципе. Для этого требовалось бы сходство хоть в чём-то, но сходства не было ни в чём. Единственное, что объединяло обе этнические группы жилищек 2-7, была общая цель: получить, хоть зубами выгрызть, московский диплом...

Но сверх всяких ожиданий в ходе моего проживания между двух культурных миров возникло одно обстоятельство, которое сблизило меня с украинками, а потом – ещё более неожиданно – с монголками, но – раздельно с теми и другими. Дело в том, что к украинкам по вечерам довольно часто, раза два-три в неделю, приходил некто Пётр. Он был гораздо старше своих компатриотов, где-то между двадцатью пятью и тридцатью годами. Точнее определить было сложно, так как выглядел он плохо, болезненно по причине туберкулёза – в закрытой форме, подчёркивал он при каждом случае.

Приходил Пётр с двумя целями. Во-первых, ради гарантированной ему огромной порции «борщча». А во-вторых, как мне в конце концов стало ясно, был он назначен парткомом их факультета куратором над этой политически сложной комнатой: мало ли что и как бы чего не вышло.

Был он вообще-то, как мне стало известно позднее, аспирантом какой-то кафедры общественных наук, сыном сперва репрессированного, а потом реабилитированного члена правительства Украины. Именно в годы «отсидки» отца он и заполучил свою болезнь, работая ещё мальчишкой, в принудительном порядке, на одной из донбасских шахт, хотя и «наверху», на сгребании угольной пыли в кучи. Мать его умерла где-то сразу после ареста мужа. Обо всём этом Пётр рассказывал подробно и неоднократно и таким образом достигал и третьей цели своих посещений 2-7: отвести свою наболевшую душу в обществе землячек, поговорить свободно на родном языке, не следя за родным «г» фрикативным.

Так случилось, что мне не удалось избежать нескольких сеансов его пребывания в 2-7. Он усаживался в торце большого стола, развалившись по-хозяйски на стуле, или даже возлежал, по причине постоянной слабости, на одной из

кроватей поверх одеяла. И, не закрывая рта, в самом горестном и осуждающем тоне вещал о пережитых им страданиях, о специфике шахтёрского труда, даже о международном положении.

По моей неосторожности, однажды застав Петра в 2-7, я была втянута в общий разговор. Тематика его при этом резко сместилась в сторону Сибири, а затем, вовсе уже неожиданно и ни к чему, в проблематику гендерных отношений в мире вообще и в Москве в частности. В ходе развития этой второй темы Пётр вдруг разозлился, перешёл на резко отрицательно-оценочную лексику конкретно, рукой показал два места в экстерьере мужчины, которые должны «оттопыриваться», чтобы он, мужчина, стал привлекателен для женщин: карман и место значительно ниже пояса...

Тоже вдруг (и напрасно) разозлившись (в основном из-за девчонок, вынужденных выслушивать всё это), я вступила (встряла!) в разговор, приводила какие-то – неубедительные – контраргументы из жизни, из литературы, из кино...

После этого случая Пётр при других наших неизбежных столкновениях в 2-7 обращался исключительно ко мне и вообще стал как-то приглядываться ко мне, что в конце концов и встревожило меня.

Я насторожилась и при возвращении в общежитие сначала прислушивалась ещё за дверью и, если слышался голос и кашель Петра, уходила в клуб – здесь же, при общежитии, где-то в подвале, ежедневно часов до одиннадцати крутили неплохие фильмы на маленьком экране.

Но вообще-то всё рассказанное выше было предисловием к тому совершенно экстраординарному, что произошло со мной в этот раз в Москве. Однажды в Ленинской библиотеке ко мне подошёл очень необычный человек, явно не русский: «Здравствуйте, мадам. Я – Гамун Сахиб...». И что-то ещё, из чего я вычленила только слово «театр»...

Одновременно удивившись и испугавшись, я смогла произнести только одно слово: «Что?..». Последовало пояснение, из которого я уловила только «господин Пётр Кохно».

Позже, уже из разговора с Петром (Кохно – это его фамилия), выяснилось, что он присматривался и прислушивался ко мне с целью выяснить, подхожу ли я для выполнения одной из самых необычных для меня миссий, имеющих прямое отношение к этому Гамуну Сахибу. Оказалось, что этот самый Гамун Сахиб – сын члена правления какого-то (сахарного) синдиката в Египте (ну вообще!) и имеет счастливую возможность после получения диплома Парижского экономического колледжа разъезжать по всем столицам мира с целью повышения своего культурного уровня. В Москву, в частности, он приехал с целью улучшить свой русский язык – настолько, чтобы понимать в полном объёме всё, что говорится и даже только подразумевается на сценах московских театров и в музеях.

И вот тут-то, на этих культурных путях, ему понадобился толмач, который истолковывал бы ему до самого смыслового дна русские поговорки, пословицы и перлы московского слэнга, которые, естественно, в изобилии звучали – и по сей день звучат – со сцен московских театров.

И подыскать такого толмача поручили, по партийной линии, Петру Кохно. Он и подыскал – меня, но Гамун Сахиб опередил разговор Петра со мной.

Из запоздавшего разговора на эту тему с Петром выяснилось, что Гамун Сахиб – абсолютно надёжный, европейски воспитанный человек. Из всего сказанного я подчёркнуто восприняла только одно: за приличную оплату. Это был веский резон. «Соглашайся, мать...», – как-то вдруг попросту проговорил Пётр. И я согласилась.

На следующий день мы втроём – я, Пётр и Гамун Сахиб – в каком-то де канате оговорили все условия предстоящей мне работы, и были составлены и напечатаны на машинке официальный контракт – с печатями и подписями – и программа предстоящей мне работы. Работы... Я даже слегка впала в экстаз, когда на большом листе бумаги составляла в общем-то нереальный по тем временам всеобщего театрального экстаза список тогдашних спектаклей в таких московских театрах («Современник», «Таганка», «На Бронной» – что вы!), билеты на которые простому смертному (и мне в первую очередь) было нипочём не достать – даже и с рук у спекулянтов с большой переплатой.

Вечером того же дня о моём «контракте» стало известно в 2-7. Реакция со стороны украинок была никакая, а монголки (Серен и Нямаа) из каких-то только им ведомых соображений (а скорее, в тонкую пику украинкам) взялись за решительное преобразование меня самой (слава богу, только внешнее) и моего более чем скромного гардероба. Ну, о частичном усовершенствовании моих двух костюмов (репсового голубого и поплинового бежевого) и речи не зашло. Был просто открыт их, Серен и Нямаа, шифоньер, и Серен, перебрав туда-сюда штук двадцать плечиков с костюмами исключительно благородных (европейских) расцветок, выбрала два, тоже голубой и бежевый, но совершенно других качества и кроя, нежели мои репсовый и поплиновый.

Наутро уже следующего дня, пренебрегая и своим, и моим распорядком дня, Серен и Нямаа отвели меня в какой-то парикмахерский салон, где мои «светленькие» волосы были выкрашены якобы в ореховый цвет, а ногти уже вообще в какой-то бутылочно-зелёный. Я была деморализована и энтузиазмом и напором девушек, и результатом моего преобразования. Однако же осознала полное соответствие этих результатов сюрреалистическому списку московских спектаклей, составленному накануне мной в явном (слава богу, временном) отрыве от реальности.

И началась это моя, в точном смысле слова сюрреальная московская эпопея того лета. Гамун Сахиб (я должна была называть его именно так, а он меня – Галина) то через день, а то и каждый день поджидал меня в назначенный час у входа в библиотеку, на её высоком царственном крыльце, за час до начала всех этих спектаклей во всех этих театрах – всегда в одной и той же машине (явно не «Москвиче» и не «Побед»), с одним и тем же постоянным водителем. По окончании спектаклей я, решительно отвергая заезд в «какой-нибудь» ресторан, таким же образом бывала доставлена к проходной будке Стромынки.

Театры и спектакли, один лучше другого, буквально мелькали передо мной. Старый ещё «Современник» с Олегом Ефремовым в качестве главного режиссёра, «Таганка» уже с Юрием Любимовым – режиссёром и Владимиром Вы-

соцким и Валерием Золотухиным – актёрами, «Ленком» уже с Марком Захаровым, МХАТ с его «Чайкой» и молодой Ириной Мирошниченко в роли Нины Заречной... А «Визит дамы» на Малой Бронной с Лидией Сухаревской в главной роли... А «Двое на качелях» в «Современнике» с молодым тогда Михаилом Козаковым и Татьяной Лавровой... Что вы!..

Так что когда, года три спустя, к нам в Новокузнецк по разнарядке Министерства культуры (под лозунгом «Культуру – шахтёрам и металлургам!») на целый месяц с двенадцатью спектаклями приехал сам «Современник», я, по сетив, разумеется, все двенадцать, некоторые из них (в частности, «Голый король» с Игорем Квашой в главной роли) смотрела уже по второму разу, иногда в других составах – и это было дополнительно интересно. А запредельную пьесу «Никто» какого-то итальянского автора с Михаилом Козаковым и Аллой Покровской видела впервые – и запомнила на всю жизнь...

Ну а в той давней московской давности потекли и в конце концов истекли две недели, оговоренные моим необычным контрактом. Собственно, моя «работа» в тот раз заключалась в том, чтобы, сидя рядом с Гамуном Сахибом, всегда в середине шестого ряда, причём нашим соседям спереди, сзади и с боков билеты продавались с индексом «неудобные»... Забыла сказать, что билеты на все эти спектакли, взявшиеся невесть откуда, не иначе как по мановению какой-то волшебной палочки, лежали целой пёстрой по цвету стопкой в роскошном бумажнике Гамуна Сахиба... Так вот, моя функция на этих спектаклях заключалась в том, чтобы, сидя рядом с моим необычным подопечным, полущёпотом переводить для него русские идиомы (пословицы и поговорки) и авторские метафоры на «простой язык», в результате чего из них уходила вся соль. Но...

Наши соседи, как правило, поначалу недобро оборачивались и косились на нас, но потом иногда начинали прислушиваться к моим толкованиям. А в перерывах даже вступали в дискуссии по их поводу и содержанию постановки вообще. Помню, что меня эти разговоры очень поддерживали, позволяли, что называется, расслабиться, отдохнуть...

Гамун Сахиб чётко исполнил все пункты нашего контракта. Никаких встреч, кроме предусмотренных билетами, не назначал. Я только один раз позволила ему уговорить себя и сверх наших договорённостей сходить с ним в ресторан, по моей подсказке – в «Прагу». «Прага»... Это был замечательный комплекс из двух демократичных кафе на первом этаже и ресторана на втором. Я часто бывала в этих кафе (это близко от библиотеки им. Ленина), и расположившийся над ними ресторан показался мне наименьшим злом в ряду других, незнакомых мне ресторанов. Тем более, что, как я знала, раньше это был купеческий, заведомо не очень церемонный ресторан и назывался этимологически ясно: «Брага». Это уж потом, под давлением круто изменившегося времени, он повысил свой статус и облагородил название: «Прага»...

В «Праге» в тот единственный раз, когда я пришла туда с Гамуном Сахибом, всё в общем прошло гладко, кроме двух моментов. Впечатлённая интеллигентной предупредительностью нашего молодого официанта, я вдруг (единственно от стеснительности!) начала хвалить какой-то густой белый соус к мясу, что

обязало официанта, слегка склонившись к нам, поведать, что соус этот французский, называется бешамель, а рецепт его приготовления такой... Это явно смутило Гамуна Сахиба, хотя он старался, что называется, не подавать вида.

А второй момент был ещё хуже. Увидев в предложенном мне меню клубнику, я ничтоже сумняшеся заказала её. Подвело меня то, что на нашем новокузнецком садовом участке с его шестью огромными клубничными грядками мы эту клубнику собирали вёдрами и даже частично продавали. Но когда я узрела в этом меню цену одной порции клубники, я ужаснулась и попыталась отменить этот заказ, но Гамун Сахиб не позволил. Впрочем, вряд ли я нанесла существенный урон синдикату его отца...

Так, в общем-то гладко, протекли оговоренные в контракте две недели. В оставшиеся до моего отъезда дни я успела на полученную действительно «хорошую оплату» закупить одежды и обуви дочери (в знаменитом московском «Детском мире», расположившемся в прискорбной близости к недоброй, прямо-таки злой памяти Лубянке), купила по добротной, фабричной выделки, шали маме и тёте – в фешенебельном универмаге на улице Горького, неподалёку от её впадения в Манежную площадь. Всё это, как говорится, с чувством глубокого удовлетворения...

Провожать меня на Казанский вокзал, как это ни странно, явилась вся 2-7, в полном украинско-монгольском составе и даже во главе с Петром Кохно. Собственно, он-то пришёл для того, чтобы передать мне прощальный привет и презент от Гамуна Сахиба: большой, натурального шёлка бело-голубой шарф и крошечный флакон духов – в большом красивом пакете.

Уже в купе я рассмотрела шарф и, освободив флакончик от собственной его причудливой упаковки, отвинтила пробочку. И вздрогнула: розы... Розы!.. Тягучий, как восточная мелодия, сладкий аромат... Не любимый мной никогда... И даже гораздо больше, чем просто нелюбимый...

Я довезла этот флакончик (с названием «Гаяне») до Новокузнецка и даже вынесла его из вагона. Но, найдя в зале ожидания укромное местечко (в уголке пустой скамьи), незаметно оставила его там. Хочется думать, что кто-то обрадовался этой находке.

Но долго ещё веяли вокруг меня излучённые бело-голубым шарфом пряные ароматы Востока.

Простите меня, Гамун Сахиб. Я понимаю, Вы хотели как лучше...

Но в общем воспоминания о той московско-театральной эпопее до сих пор живы во мне. И только с позитивным знаком плюс...